

Петербург, 1847. I. 28 и П. 4.

С.Петербург 16/28 янв. 47.

Дорогой Жак,

..... есть все же нечто поучительное в том, когда удается проследить судьбы и жизненные пути товарищей своей юности... Чем старше становишься, тем больше делается трещина, отделяющая нас от прошлого. Не нужно-бы еще искусственно усугублять то, что судьба делает сама собою. Может быть, я затрону твое больное место, если спрошу, помирился ли ты со Штейнером.¹⁾ Один раз я ему писал, но не получил ответа. Что касается меня, то я стал исключительно терпимым и миролюбивым. Мне было бы приятно твое примирение со Шт. уже ради тебя, и с другой стороны совершенно бесчеловечно оставлять его на погибель в одиночестве с его жальной ипохондрической печенью.

признаки и что
вразумили

Прошу тебя, дорогой брат, не писать мне больше об одной вещи. Поскольку я стремлюсь по мере возможности освободиться от всякого самообмана, и сам подхожу с очень строгой меркой к своим работам, я не допускаю в отношении их более высокого судьи, чем я сам. Если они кроме того встречают признание, это меня конечно радует, но я не считаю себя вправе тратить мое дорогое для меня время на погоню за подобными признаниями. Это как раз и случилось-бы так, если-б я стал переводить мои работы на французский язык, чтоб подвергнуть их суждению Парижской Академии и видеть, как они станут предметом "rapport" /доклада/. Кроме того, мне запретил-бы это известный "хоровой дух" /sic !/

присущий мне со времен студенчества. Я сам имею счастье быть членом очень высоко чтимой Академии и сам пользуюсь известной репутацией, так что уже мое положение обязывает меня к некоторой сдержанности. Я тем менее расположен ухаживать за иностранными Академиями, что знаю из собственного опыта, от каких случайных обстоятельств зависят подобные признания. Наконец, поскольку мои работы напечатаны в здешнем *Bulletin Scientifique* и кроме того еще в *Poggendorff's Annalen*, то они получают достаточно широкое распространение. Что же касается Берлинской Академии, то, сознаюсь тебе, мне было бы приятно, если-б она избрала меня в свои члены-корреспонденты, тем более, что я убежден, что это-бы давно произошло, будь я французом или англичанином или даже только в Берлине. Но если я не пожертвую ради этой чести ни одну мою, хотя бы самую маленькую работу, которая меня самого удовлетворяет, то по крайней мере считаю своей обязанностью пока что не отдавать своего голоса ни одному немцу, которого представляют в члены-корреспонденты нашей Академии. Это, правда, только один голос, который, если-б речь шла о Берлинских ученых,²⁾ растворился-бы в огромном большинстве, но он по крайней мере помешал-бы единогласию. Если я старался об избрании Дове нашим корреспондентом,³⁾ то это была слабость, и чтоб ее искупить, я сам в ближайшее время себя немного высеку. Это ты можешь ему передать. В отношении других вещей ты можешь быть скромным и не возбуждать ссоры со мной.

В отношении мелкой, или если хочешь, крупной монеты есть, конечно, и кое что правильное и она никоим образом не

[„irish bull“]

„irish bull“. Тем не менее я и не требую, чтоб она имела курс или хождение, пока она не отчеканена, т.е. не напечатана. Тут появляется однако одно неблагоприятное обстоятельство, что, во первых, редактирование моих работ - для меня дело скучное и неприятное, и во вторых, что очень трудно довести эти работы до какого либо конца, ибо одно исследование влечет за собою другое. К этому присоединяется еще и то, что я необычайно мелочен и по своей природе в сущности педант. Я не могу совсем отбросить иные пункты, с легкостью перемахнуть через другие, или их обойти; и если в конце концов сила вещей заставляет меня оставить эти препятствия в стороне, или проблемы - неразрешенными, то это вызывает у меня слезы и страх и т.п.

23-го января.

В приложении к *Hande und Sprengschen* № 13 о тебе дважды говорится, как о "понятии", а не о человеке. Нужно представить тебе на разрешение, действительно-ли $2 \times 2 = 4$.¹⁾

Твой сердечно тебя любящий брат Мориз.

1) См. стр. 132. /В письме от 24/1-46 К.Г.Якоби пишет брату: "Со Штейнером я уже месяц как поссорился, т.е. он со мной; поэтому он не ходит и к Дирихле, с которым у него хорошие отношения. Штейнер был у меня кумом"./

2) В "*Recueil des Actes*", в "*Etat du personnel*" имеется статистический обзор числа почетных членов и членов-корреспондентов по национальности, сог-

ласно которому в то время Пруссия обычно стояла на первом месте, Франция на втором, остальная Германия /без Австрии/ на третьем, тогда как в порядке городов на первом месте стоял-бы Париж, на втором - Берлин.

3) См. стр. 123/124 и стр. 125, примеч. 15 /Письмо Х/ М.Г.Якоби/.

4) См. "Прибавление" на стр. 2, столб. I в № 13 *Haude und Spener'schen* /"Berlinerische Nachrichten"/ от 16 января 1847; другое место - на стр. I того-же Приложения, где приведены некоторые шуточные грамматические определения из "*Berliner Jahrbücher für Erziehung u. Unterricht*" /Изд. нескольких преподавателей Берлина. Год III, 1847, Январский выпуск, стр. 71/; между прочим там написано: ... любовь и девушки - это грамматические артикли /члены/, разум - наречие,^{х)} Михаэлис и Якоби - имена числительные"... /Некий Михаэлис был тогда действительно преподавателем мат. в Фридр.-Верд. гимназии, но возможно, что здесь намек на календарное понятие, как срок платежа/ /Михаэлис - Михайлов день/.

Briefwechsel, 145-147.

х) Непереводимая шутка: по немецки грамм. член - *Geschlechtswort*, наречие - *Nebenwort*, т.е. "родовое слово" и "второстепенное слово". - Перев.